

Анатолий Сергеевич КУПРИН¹
Галина Ивановна ДАНИЛИНА²

УДК 82.0

**ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ И НАРРАТИВ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДАНИИЛА ГРАНИНА
«МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ»)**

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, 1 курс,
Тюменский государственный университет
askuprin94@gmail.com

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
gdanilina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0100-0948

Аннотация

Актуальность работы заключается в рассмотрении пограничной ситуации в художественном тексте как важнейшего аспекта современного дискурса войны. Научная новизна работы основывается на разработке метода анализа пограничных ситуаций в художественном тексте в рамках нарратологии, литературоведческом анализе пограничных ситуаций в романе Даниила Гранина «Мой лейтенант». Цель исследования — изучение пограничных ситуаций в нарративе войны. Материалом исследования выступил роман Даниила Гранина «Мой лейтенант» и сопутствующие тексты.

В первой части работы рассматриваются сложившиеся подходы к термину «пограничная ситуация» и сходные концепции в рамках научной и философской традиции. Изучаются границы их применимости в литературоведении и соотношение с категориями «повествовательные инстанции» и «событийность». Предложено определение пограничной ситуации в теоретико-литературном аспекте, которое может использо-

Цитирование: Куприн А. С. Пограничная ситуация и нарратив войны (на материале романа Даниила Гранина «Мой лейтенант») / А. С. Куприн, Г. И. Данилина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 1 (21). С. 90-104.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-90-104

ваться при анализе фикционального текста. Анализируются существующие подходы к рассмотрению ситуации войны: философско-экзистенциальный, психоаналитический, социологический, литературоведческий. Во второй части исследования на основании имеющихся подходов предлагается метод анализа пограничных ситуаций в текстах о войне, который в основе своей сохраняет текстоцентрический принцип исследования структуры повествования. Выявлены два взаимосвязанных направления исследования: изучение войны как непрерывной пограничной ситуации в интертекстуальном пространстве (дискурсе войны); изучение пограничных ситуаций (смерть, страдание, вина, случай) в нарративе войны в рамках конкретного произведения. В третьей части статьи изучение войны как непрерывной пограничной ситуации приводит к рассмотрению концепта «граница» в художественном тексте. Изучается роль топоса границы в текстах о войне, рассматриваются возможные виды границ в дискурсе войны.

Пограничные ситуации в нарративе войны рассматриваются на материале романа Даниила Гранина «Мой лейтенант». Изучение публицистических и научных работ о романе позволило выявить как преемственность, так и отличия романа от «лейтенантской» прозы XX в., обнаружить явные особенности произведения, которые связаны с пограничными ситуациями. Анализ пограничных ситуаций в романе показал их ключевое место в повествовании. Эти ситуации независимы от художественного времени, от колебания точки зрения героя и нарратора, функция абстрактного автора — выстраивание повествования как «директивного» погружения героя и нарратора в эти ситуации.

В заключении обосновывается вывод о применимости метода анализа пограничных ситуаций в художественном тексте. Он видится особенно продуктивным там, где пограничные ситуации существуют как явные элементы повествования (нарратив войны).

Ключевые слова

Нарратология, нарратив войны, дискурс войны, пограничная ситуация, Карл Ясперс, Даниил Гранин, экзистенциализм.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-90-104

Введение

Термин «пограничная ситуация» ввел во второй трети XX в. немецкий философ и психиатр Карл Ясперс. В концепции Ясперса «пограничными» названы такие ситуации, которые ставят человека перед границами его жизни, неотделимы от существования (экзистенции): «...Я должен умереть, должен страдать, должен бороться, я завишу от случайности, я с неизбежностью обнаруживаю собственную вину. Эти основополагающие ситуации нашего существования мы называем пограничными» [21, с. 21-22].

В философской традиции экзистенциализма существует множество подходов к классификации данностей человеческого существования, так как внимание к «пограничным ситуациям» в том или ином виде является ключевой особенностью этого направления.

К пограничным ситуациям близка концепция «экзистенциалов», которую создает Мартин Хайдеггер в работе «Бытие и время». Это модусы бытия человека и жизненного мира в их неразрывном единстве. Хайдеггер изучает такие экзистенциалы: «бытие-в-мире», «бытие-с-другими», «бытие-к-смерти», «страх», «решимость» и др. [3].

Также стоит рассмотреть подход Пауля Тиллиха, в котором трем аспектам угрозы бытию соответствуют три типа экзистенциальной тревоги (судьбы и смерти, пустоты и утраты смысла, вины и осуждения) [15]; в психологически ориентированной модели Ирвина Ялома смерть, свобода, изоляция и бессмысленность рассматриваются в рамках психотерапии и психодинамики личности [20].

Пограничная ситуация и нарратология

В данной работе за основу взята концепция Ясперса, которая способна дополнить арсенал методов нарратологического анализа текста. В нарратологии детально разработаны категории события и событийности текста, модель коммуникативных уровней. Необходимо определить, как анализ пограничной ситуации мог бы дополнить понимание художественного произведения.

М. М. Бахтин полагал, что основой художественности является «диада личности и противостоящего ей внешнего мира» [1, с. 50]. В этой связи можно рассматривать ситуацию как среду существования этой диады: «Ситуация — это пространство встречи человека и мира. Мир и человек в ситуации проникают друг в друга и образуют единую структуру» [10].

Пограничные ситуации представляют собой радикальные столкновения человека с фактами его существования. Согласно Ясперсу, «познание пограничных ситуаций и экзистенциальное существование — это одно и то же» [2, с. 46]. К этому следует добавить, что в пространстве художественного текста повествовательные инстанции (герой, нарратор) всегда представляют собой некое «сгущение» существования. Можно сделать вывод, что эти универсальные ситуации так или иначе присутствуют в любом крупном литературном произведении современной парадигмы художественности.

Анализ пограничных ситуаций в литературоведческом рассмотрении позволяет увидеть *сущностный* аспект отношений «я» и «мира» внутри художественного текста, который связан с *динамикой* повествования.

Пограничная ситуация в худ. произведении — такие отношения я (повествовательные инстанции) и мира (художественный мир), которые раскрывают универсальные аспекты существования (смерть, страдание, борьба, вина, случай) через фикциональное повествование.

Подходы к ситуации войны

В XX в. сложилось несколько подходов, на которые можно опираться при разработке стратегии анализа пограничной ситуации войны в художественном тексте:

1. Упомянутый ранее **философско-экзистенциальный подход** рассматривает войну (борьбу) как неизбежную ситуацию столкновения человека с «предельными» фактами существования.

В статье «Художественное осмысление войны как пограничной ситуации» [8] И. Г. Каропа рассматривает войну как наиболее острую пограничную ситуацию, где человек сталкивается со смертью, виной, одиночеством, отчужденностью.

Через в основном нехудожественные и сопутствующие (интервью, корреспонденция) тексты таких авторов, как Курт Воннегут, Виктор Соснора, Василь Быков, Виктор Франкл, складывается представление о возможных подходах авторов к изображению ситуации войны в литературном произведении. Автор статьи делает акцент на необходимости многоуровневого подхода к изучению темы войны.

Возможен и такой вариант исследования, когда делается попытка найти экзистенциалистские (повлиявшие на формирование соответствующего направления и его терминологического аппарата) аспекты в художественных текстах о войне начала XX в.

Примером может служить работа О. Р. Губецкова «Экзистенциалистские мотивы в романе Эрнста Юнгера „В стальных грозах“» [5]. По мнению автора, Эрнст Юнгер выразил «протоэкзистенциалистские» идеи в своем художественном осмыслении феномена войны. Описывая состояния за линией фронта, когда «... зрение и слух обострены до предела... Весь мир заполнен тобой, опустошенным темным ощущением ужаса...» [19, с. 104], Юнгер сближается с описанием пограничных ситуаций, которое приводит Ясперс. Аспект «парадоксальной ясности» в пограничной ситуации, которую описывает Ясперс, герой книги испытывает на пороге смерти: «Точно в каком-то озарении я понял свою жизнь до самой глубинной сути... удивление это было исполнено странной веселости» [19, с. 322].

Автор статьи делает вывод, что Юнгер, благодаря своей особой оптике повествования и акценту на внутренних универсальных переживаниях в ситуации войны, косвенно примыкает к немецкой традиции экзистенциализма.

2. Психоаналитический подход рассматривает войну как проявление определенных тенденций психики человека через концепции «Оно», «танатос», «деструктивность» [17, с. 162-168]. Человек или прямо направляет психические силы на уничтожение других людей, или сублимирует эти желания (например, с помощью творчества).

Р. Л. Красильников в монографии «Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа» рассматривает войну в свете «слова о смерти» в литературе, используя термины «литературоведческой танатологии». Танатологический анализ ситуации войны на уровне хронотопа представлен в главе «Пространственно-временной уровень (Хронотоп войны в творчестве Л. Н. Андреева)» [9, с. 102-116]. Война рассматривается как хронотоп, основанный на принципах танатоса и деструктивности, где психическая жизнь человека сужается до вопросов выживания и разрушения. Автор монографии показывает, что в творчестве Л. Андреева война — прежде всего психическое переживание сумасшествия и ужаса, и триада «смерть — незнание — безумие» является основой этого переживания.

3. **Социологический подход** рассматривает войну как общественное явление, изучает массовую психологию в условиях войны (в том числе отношение к войне литературного сообщества [16]), исследует особенности определенного социального типа — воюющего человека.

В монографии «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России» в главе «Война как „пограничная ситуация“» [14, с. 49-54] проводится анализ психологического типа «комбатанта», особенности мышления и поведения вооруженного человека. Предлагается классификация социальных типов по их психологическому отношению к войне. Война рассматривается как непрерывная пограничная ситуация.

Автор статьи делает вывод, что ситуация войны является «катализатором» поведенческих реакций человека, выявляющим «...прямо противоположные качества... участников — трусость и героизм, шкурничество и самопожертвование» [14, с. 54].

4. **Литературоведческий подход** рассматривает ситуацию войны как часть художественного мира литературного произведения (текстоцентрическая направленность исследования).

В статье Г. И. Данилиной «Коды революции и войны в книге Г. Грасса „Мое столетие“» [6] роман изучается с помощью анализа кодов, существующих внутри произведения. Рассматривается цепочка кодов в романе (код шлема и его метонимические коннотации). Эти коды в произведении Гюнтера Грасса позволяют имплицитно показать ключевое значение войны для немецкой истории XX в. Прусский военный шлем и его метаморфозы символизируют как прошлое, так и будущее Германии. Код шлема выявлен как структура, объединяющая книгу.

Автор статьи делает вывод, что коды произведения являются способом имплицитной оценки событий XX в., позволяют избежать идеологического давления на читателя, обозначить причастность каждого человека (в том числе читателя) к истории.

Методы

Рассмотрение сложившихся подходов позволяет предложить два направления анализа войны как пограничной ситуации в художественном тексте. Война (борьба) может рассматриваться как непрерывная пограничная ситуация с ее инвариантными особенностями, которые входят в дискурс войны. При этом в отдельные произведения о войне неизбежно входят другие пограничные ситуации: смерти, страдания, вины, случайности.

Необходимо как выявить интертекстуальные аспекты пограничной ситуации войны, так и проанализировать различные пограничные ситуации в рамках конкретного текста о войне.

При работе с текстами, в структуре которых нарратив войны играет ключевую роль, видится необходимость анализа пограничных ситуаций с сохранением ядра литературоведческого анализа, текстоцентрической установки исследования.

Результаты

Ситуация войны: интертекстуальный аспект

Ситуация войны угрожает основам существования человека, разрушает привычный ему внешний и внутренний мир. Она всегда актуализирует предельные темы существования индивида, от физического выживания до проблем нравственного выбора. Война подводит к границе существования как отдельного человека, так и целые социальные общности (класс, этнос, народ).

Рассмотрение войны как пограничной ситуации приводит к анализу самого концепта «граница» в художественном тексте. В любом произведении существуют те или иные оппозиции, которые формируют структуру художественного мира и двигают повествование. Нарратив войны усиливает любые оппозиции, обостряет противопоставление персонажей, отношения героя и мира.

Топос границы [13, с. 89] имеет в текстах о войне ключевое значение. Это разделение на уровне хронотопа: своя и вражеская территория, фронт и тыл, мирное и военное время. Во многих текстах само особое пространство войны, в котором искажаются ландшафт, течение времени и восприятие, отграничено от остального мира «стеной огня».

Граница пролегает также между «своим» и «чужим» жизненным миром. Между группами персонажей (героем) и врагами существует непреодолимая черта, выживание одних означает гибель других. Во многих произведениях о войне персонажи «по ту сторону границы» и вовсе лишаются доступного для восприятия сознания, голоса, предстают как стихийная сила без личностного существования.

Ситуация войны требует от героя переступить через «границы» внутри своего сознания (нравственные, психологические). Это пересечение «границы сознания» обычно сопровождается той или иной сменой режима повествования и точки зрения.

Но «пограничная ситуация» войны предполагает и возможность высшего прозрения, «просветления экзистенции». Хрестоматийным примером из русской литературы может служить эпизод ранения и последующего прозрения Андрея Болконского в бою под Аустерлицем в романе «Война и мир».

Пограничные ситуации в нарративе войны

Роман Даниила Гранина «Мой лейтенант» был опубликован в 2012 г., в том же году получил премию «Большая книга» и вызвал широкий интерес читателей.

Роман получил разные оценки критиков. В статье В. Г. Моисеевой «Слова „великие“ и „простые“ о Великой Отечественной войне: к вопросу об эволюции русской „военной“ прозы второй половины XX века» [12] предложена выборка читательских отзывов и критических статей о романе. По этой выборке видно, что основные разночтения вызывает способ изображения войны в романе (необходимость или избыточность «окопной правды» о войне).

Автор научной работы делает вывод, что роман «Мой лейтенант» является одним из последних представителей «лейтенантской» прозы, с характерными

для текстов этого литературного течения автобиографичностью и описанием личного опыта войны.

Отличия романа от классической «лейтенантской» прозы одним из первых заметил А. М. Мелихов в публикации для журнала «Знамя» [11]. Обозначая роман как «пронзительнейшую исповедальную прозу», автор статьи показывает, как с помощью изображения отталкивающих сторон личного военного опыта (страх, стыд, ненависть и т. д.) достигается доверие читателя. Автор статьи видит в романе мотив «потерянного поколения». Он состоит в том, что грядущая жизнь и будущие дела прошедших войну людей будут всегда блекнуть на ее фоне.

А. М. Мелихов делает вывод, что Даниил Гранин «расширил канон военной прозы». Это достигается как за счет «исповедального» характера повествования, так и с помощью изображения войны и ее значения в историческом контексте всего XX в.

Можно заключить, что роман «Мой лейтенант» как продолжает традиции «лейтенантской» прозы советского периода, так и существует в некоторой оппозиции к этой традиции.

Роман затрагивает те события Великой Отечественной войны, описание которых было невозможно в советский период по идеологическим и социальным причинам. Недоступные ранее темы личной и коллективной вины, страха, страдания (безумия, жизни инвалидов войны), проблемы существования человека в рамках «большой истории» являются смысловым каркасом романа. Анализ пограничных ситуаций в романе «Мой лейтенант» позволит выявить те аспекты повествования, ключевая значимость которых характерна для современного дискурса войны.

Повествование о войне в романе Даниила Гранина «Мой лейтенант» [4] сосредоточено на участии главного героя в обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В своей автобиографии Даниил Гранин, повествуя о личном опыте войны, кратко затрагивает темы смерти и страдания: «Тяжелая она была, слишком много смерти вокруг...», роли случая на войне: «Существование свое долго еще после войны считал я чудом...» [4, с. 11].

Роман отличается постоянной сменой режимов повествования, непрямой хронологией, обилием вставных эпизодов и эпизодов вторичной наррации.

Первые главы книги проходят в режиме диегетического нарратора с точки зрения повествуемого «я» [4, с. 23-84]. Также присутствуют нарушающие прямую хронологию вставки, где нарратор применяет точку зрения актуального повествующего «я», которое отделено от войны несколькими десятилетиями. Затем повествуемое «я» окончательно отделяется от повествующего, главный герой от нарратора, что прямо обозначается в тексте: «То, что происходило дальше, происходило не со мной, от меня отделился лейтенант Д. Не подозревал, что во мне существует такая личность» [4, с. 85].

В тексте презентации изменений в точке зрения, казалось бы, одного персонажа, отводится ключевая роль: «Никакого отношения я к нему (*довоенному*)

не имел... А он и вовсе не знал меня... Неужели, если я выживу, я опять стану другим...» [4, с. 131].

Далее в тексте эти три режима повествования будут постоянно сменять друг друга. В главах, где актуализируются пограничные ситуации, всегда используется первый тип повествования (нарратор-протагонист). Эти эпизоды обладают абсолютной значимостью, существуют «над» внутритекстовой хронологией; влияние этих ситуаций на историю остаётся неизменным, несмотря на постоянные колебания идеологического и временного планов точки зрения в других эпизодах произведения.

Учитывая особенности презентации пограничных ситуаций через определенный режим повествования, была выбрана аналитическая стратегия изучения ключевых фрагментов (эпизодов), в которых наиболее полно актуализируется та или иная пограничная ситуация.

Смерть

Роман начинается со знакового для нарратива войны события первого столкновения героя со смертью в главе «Первая бомбежка»: «Настоящий страх, страх жутчайший, настиг меня... То была первая бомбежка» [4, с. 23]. Герой чувствует в ситуации угрозу всему существованию: «Она [бомбежка] хотела уничтожить весь мир» [4, с. 25]. Ситуация близости смерти сужает горизонт жизни и сознания: «...Я был уже не человек, я стал ничтожной, наполненной ужасом тварью...» [4, с. 25]; требует какого-то (пусть иррационального) выхода, и герой-атеист начинает молиться Богу.

Но вместе с этим, как иногда бывает в пограничной ситуации, происходит некое прозрение. На фоне картины всеобщего разрушения вжавшийся в землю герой видит нетронутость и идиллию в жизни природы: «В траве шла обыкновенная летняя жизнь, медленная, прекрасная, разумная... Бог был здесь...» [4, с. 25]; «Природа возвращалась к своим делам. Ей неведом был страх» [4, с. 25].

Пережитая ситуация изменила главного героя: «Бомбежка эта сделала свое дело, разом превратив меня в солдата. Пережитый ужас что-то перестроил в организме» [4, с. 26]. В текстах о войне часто присутствует описание такого замещения «экзистенциального страха» (Existenzangst) первого столкновения со смертью «бытовым страхом» (Daseinsangst) [2, с. 75] перед конкретными опасностями войны.

Второй аспект встречи со смертью на войне — убийство, необходимость самому оборвать чье-то существование, и в этой смерти противника увидеть собственную. В главе «В упор» главный герой в спину расстреливает двух немцев. Личное участие в смерти врага порождает необъяснимые для героя переживания: «Откуда был тот ужас? Ведь я воевал уже два месяца». Далее несколько раз повторяются эпизоды связанных с этим убийством кошмарных снов, в диалоге с офицером Медведевым лейтенант Д. возвращается к первому убийству (что сопровождается мгновенной сменой режима повествования) [4, с. 163].

Случай

Ситуация зависимости от случайности также характерна для нарратива войны. В пространстве войны персонажи находятся под постоянной угрозой ранения

или гибели. Этому состоянию угрожающего мира соответствуют мотивы судьбы, хрупкости жизни.

В главе «Шальная пуля» на руках у главного героя умирает его товарищ Женя Левашов, который ранее назван «любимцем Фортуны». Обстоятельства его смерти кажутся герою почти невозможными: «Мы стояли с ним под защитой насыпи, в совершенно, казалось бы, безопасном месте... с чего вдруг кто-то поутру выстрелил» [4, с. 171].

Эта ситуация сопровождается прозрением, что внезапная смерть прерывает неповторимое существование человека: «...И тут я вспомнил, что так он и не успел рассказать мне что-то такое, из-за чего примчался, а что — я теперь уже не узнаю. Вот что такое смерть» [4, с. 172]; «...удалилась жизнь, унесла Женю Левашова, весь его мир, единственный, небывалый...» [4, с. 181].

Страдание

Ситуация страдания распространяется даже дальше непосредственного хронотопа войны. В романе страдают как участники боевых действий, так и гражданские в тылу: «Человек открывался в своем несовершенстве, он был унижен физически, он нравственно оказался уязвим — бредущий труп» [4, с. 151]. Третья часть романа повествует о трудностях адаптации лейтенанта Д. к послевоенному быту, что сопровождается страданиями его и окружающих.

Ситуация страдания в нарративе войны обычно наиболее полно раскрывается в пространстве военного госпиталя. В главе «Редут Мерзона» главный герой из-за цинги отправляется в госпиталь, где из-за крайнего истощения больные «мерли чаще, чем на фронте». Там он встречает своего товарища Мерзона, который рассказывает о своем ранении и ужасах боев на Невском пятачке: «Ужас смерти переходил в проклятия... всё кругом было заполнено страданием, ненавистью, вонью тела, мертвечины» [4, с. 189]. Пережитые страдания поставили его на грань безумия: «...Что-то безумное было в его тихом смехе» [4, с. 189].

В конце главы главный герой восхищается Мерзоном, который через безумие (как ответ на ситуацию страдания) избавился от страха смерти: «Он молодец, завязал деловые отношения со смертью, привык к ней... Он по крайней мере от страхов избавился...» [4, с. 190].

Вина

Ситуация вины открыто присутствует далеко не в каждом произведении о войне. Эта ситуация предполагает нравственный выбор героя, чего нет, например, при героической доминанте художественности.

В романе «Мой лейтенант» ситуация вины сопровождает главного героя всю войну. Даже «отделение» лейтенанта Д. в главе «Горе побежденным» частично объясняется ситуацией вины и осуждения некоторых поступков молодого героя: «...Я теперь понимаю, сколько в нем было тщеславия» [4, с. 211].

Уже в первой главе присутствует вина за собственный страх: «Я был опустошен, противен себе, никогда не подозревал, что я такой трус». Главный герой

сталкивается с виной, которая рушит его представления о себе и мире. Он стремится вычеркнуть из памяти эпизоды ужаса при авианалете и первом убийстве, но повествование вновь и вновь возвращается к этим ситуациям. Первые главы романа проходят на фоне постоянной вины за всеобщее отступление и бегство, которую герой берет на себя, особенно после встречи с группой лишившихся дома мирных жителей в главе «Молоко на траве».

Иногда вина имеет такую силу, что человек решает закончить свое существование, как герой главы «Подрезов», которому «обрыдла такая война... постыдная война». Офицер с самоубийственным вызовом «стоял во весь рост в окопе», не в силах остановить бегство своих подчиненных: «Может быть, он надеялся, что мы вернемся из-за этого, а мы не вернулись, бежали, бежали» [4, с. 58].

При этом главный герой чувствует свою вину как за свое бегство, так и за печать в газете «казенного» материала про героизм Подрезова: «...Он не про геройство думал, скорее про свое достоинство... я никогда раньше не думал, что у человека есть внутри кто-то, кто его или уважает, или не уважает» [4, с. 59].

Тут можно увидеть разницу между «казенным» восприятием действий офицера (подвиг героя, не знающего сомнений: «получился этакий богатырь из народных сказок»), и реальным поступком, который был совершен в ситуации вины и отчаяния.

Пограничные ситуации в романе часто неотделимы друг от друга, составляют некое единство. Это показывает их принципиальную общность и невозможность систематизации, на что указывал еще Ясперс [3].

Всеохватность и неизбежность пограничных ситуаций приводит персонажей к иррациональным путям выхода из них (молитва Богу, безумие, самоубийственные поступки, слепая вера в лозунги пропаганды).

В речи героя звучит желание забыть эти ситуации: «— Хорошо бы забыть начисто, — сказал я» [4, с. 164], то же несколько раз проявляется в тексте нарратора: «...Старался не вспоминать» [4, с. 44, 54, 163]. Принцип функционирования абстрактного автора в романе «Мой лейтенант» состоит в постоянном возвращении повествования к этим ситуациям, концентрации повествования вокруг этих ценностных центров произведения.

Заключение

В результате проведенного научного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Роман Даниила Гранина «Мой лейтенант» как продолжает и хронологически завершает традиции «лейтенантской» прозы XX в., так и отходит от них в аспекте изображения ситуаций войны и личного военного опыта.
2. В актуальных научных исследованиях и публицистике исследуются вопросы преемственности романа, его связи с прозой XX в. (В. Некрасов, Ю. Бондарев и др.); рассматривается «исповедальный» характер повествования с акцентом на личном переживании героя, что обеспечивает «достоверность» для читателя.

3. Роман «Мой лейтенант» как часть современного дискурса войны отражает произошедшие изменения в значении пограничных ситуаций (вина, смерть, случай, страдание) для нарратива войны. Была выявлена необходимость нового подхода к рассмотрению пограничных ситуаций в рамках нарратологического анализа художественного текста, в ходе исследования был предложен вариант такого подхода.
4. Определены два направления исследования войны как пограничной ситуации: изучение интертекстуальных аспектов пограничной ситуации войны; анализ различных пограничных ситуаций в рамках конкретного текста о войне.
5. Война (борьба) является непрерывной пограничной ситуацией со своими инвариантными особенностями и чертами в дискурсе войны. Концепт (топос) «границы» является основой изображаемого мира в текстах о войне.
6. Анализ пограничных ситуаций в романе «Мой лейтенант» позволил выявить те аспекты повествования, ключевая значимость которых характерна для современного дискурса войны. Взаимосвязь пограничных ситуаций (вина, смерть, страдание, случай) является ценностным центром произведения, к которому раз за разом возвращаются герой и нарратор.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о перспективности метода изучения пограничных ситуаций как части литературоведческого анализа художественного текста. Особенно продуктивен такой анализ будет при явном акценте произведения на пограничных ситуациях, как в случае текстов о войне.

Перспектива научной работы видится в изучении напрямую связанных с пограничными ситуациями концепций времени («духовная ситуация времени») и историчности в художественном тексте, столкновения «официальной» и «авторской» (лично переживаемой) версий истории [7]. Эти стороны текстов о войне имеют важное значение в современном дискурсе войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов; сост. Ю. А. Сандулов. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
3. Гайденко П. П. Экзистенциал / П. П. Гайденко // Новая философская энциклопедия: в 4 т.: интернет-версия / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010 // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0171c6e67f531df340fa0371> (дата обращения: 05.03.2020).
4. Гранин Д. Мой лейтенант / Д. Гранин. М.: Изд-во «Э», 2017. 672 с.
5. Губецков О. Р. Экзистенциалистские мотивы в романе Эрнста Юнгера «В стальных грозах» / О. Р. Губецков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Том 11. Вып. 2. С. 79-85.

6. Данилина Г. И. Коды революции и войны в книге Г. Грасса «Мое столетие» / Г. И. Данилина // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2019. Том 15. Революция и эволюция в немецкоязычных литературах. С. 189-197.
7. Данилина Г. И. «Неофициальная» историография в книге Гюнтера Грасса «Мое столетие» / Г. И. Данилина // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 305-316.
8. Каропа И. Г. Художественное осмысление войны как пограничной ситуации / И. Г. Каропа // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. Філалогія. 2009. № 2 (23). С. 130-135.
9. Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа / Р. Л. Красильников. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.
10. Мануковский В. «Пограничная ситуация» и «Подлинное бытие» в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова / В. Мануковский // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 127-129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/pogranichnaya-situatsiya-i-podlinnoe-bytie-v-ekzistentsialnyh-kontseptsiyah-k-yaspersa-i-l-shestova> (дата обращения: 05.03.2020).
11. Мелихов А. М. Даниил Гранин. Мой лейтенант / А. М. Мелихов // Знамя. 2012. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/6/daniil-granin-moj-lejtenant.html> (дата обращения: 05.03.2020).
12. Моисеева В. Г. Слова «Великие» и «Простые» о Великой Отечественной войне: к вопросу об эволюции русской «Военной» прозы второй половины XX века / В. Г. Моисеева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 58-72.
13. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы / В. Ю. Прокофьева // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 87-91.
14. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 384 с.
15. Тиллих П. Мужество быть / П. Тиллих. М.: Модерн, 2011. 240 с.
16. Тютюкин С. В. Патриотический подъем в начале войны / С. В. Тютюкин // Мировые войны XX века. М.: Наука, 2002. Кн. 1: Первая мировая война. Ист. очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. С. 359-365.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М.: АСТ-ЛТД, 2014. 618 с.
18. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
19. Юнгер Э. В стальных грозах / Э. Юнгер; пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2000. 330 с.
20. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом; пер. с англ. Т. С. Дробкиной. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.
21. Ясперс К. Введение в философию / К. Ясперс; пер. и ред. А. А. Михайлова. Минск: Пропилеи, 2000. 192 с.

Anatoly S. KUPRIN¹
Galina I. DANILINA²

UDC 82.0

**THE LIMIT SITUATION AND THE NARRATIVE OF WAR
(ON THE MATERIAL OF THE NOVEL “MY LIEUTENANT”
BY DANIIL GRANIN)**

¹ Postgraduate Student, 1 year of study, Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen
askuprin94@gmail.com

² Dr. Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen
gdanilina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0100-0948

Abstract

The purpose of this study is the analysis of limit situation in the narrative of war. The material of the study is the novel of Daniil Granin “My Lieutenant” and related texts.

In the first part of the paper, the authors explore existing approaches to the term “limit situation” and similar concepts into scientific and philosophical traditions; limits of its applicability in literary studies and its relation to the categories of “narrative instances” and “event”. Proposed a literary-theoretical definition of the limit situation, which can be used in the analysis of fiction texts. Existing approaches to the examination of the situation of war are analyzed: philosophical-existential, psychoanalytic, sociological, literary. In the second part of the paper, the authors propose their method for analyzing limit situations in texts about war, which basis on existing approaches and preserves the text-centric principle of studying the structure of the story. Two interrelated areas of research have been identified: the study of war as a continuous limit situation in the intertextual aspect (the discourse of war); the study of limit situations (death, suffering, guilt, accident) in the narrative of war as part of a specific text. In the third part of the scientific work, the analysis of war as a continuous limit situation results in the study of the concept of “limit” (border) in a fiction

Citation: Kuprin A. S., Danilina G. I. 2020. “The Limit Situation and the Narrative of War (on the Material of the Novel “My Lieutenant” by Daniil Granin)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 1 (21), pp. 90-104.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-90-104

text. The role of “limit” (border) concept in the texts about the war is studied, the possible types of limits in the discourse of war are examined.

Limit situations in the narrative of war are analyzed on the basis of the novel “My Lieutenant” by Daniil Granin. A review of journalistic and scientific works about the novel revealed both the continuity and the differences between the novel and the “lieutenant” prose of the 20th century. An analysis of the limit situations in the novel revealed their key position in the narrative. These situations are independent of the fiction time, of the fluctuation of the point of view; the function of the abstract author is to build the narrative as a “directive” immersion of the hero and narrator in these situations.

Keywords

Narratology, narrative of war, discourse of war, limit situation, Karl Jaspers, Daniil Granin, existentialism.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-90-104

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. 1979. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo. 423 pp. [In Russian]
2. Bolnov. O. F. 1999. The Philosophy of Existentialism. St. Petersburg: Lan. 222 pp. [In Russian]
3. Gaidenko P. P. 2010. “Existential”. New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes: Nacionalnyj obshchestvenno-nauchnyj fond; precdatel soveta V. S. Stepin. 2nd edition. Moscow: Mysl, RAS Institute of Philosophy Electronic Library. Accessed on 05 March 2020. <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0171c6e67f531df340fa0371> [In Russian]
4. Granin D. 2017. My lieutenant. Moscow: E. 672 pp. [in Russian]
5. Gubetskov O. R. 2019. “Existentialist motives in Ernst Junger’s ‘Storm of steel’”. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya, vol. 11, no. 2, pp. 79-85. [In Russian]
6. Danilina G. I. 2019. “Codes of revolution and war in G. Grass’s book ‘My Century’”. Russkaya germanistika. Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov, vol. 15, pp. 189-197. Moscow: Languages of the Russian Culture. [In Russian]
7. Danilina G. I. “Unofficial” historiography in the book of Gunther Grass ‘My Century’”. Novyy filologicheskiy vestnik, no. 48 (1), pp. 305-316. [In Russian]
8. Karopa I. G. 2009. “Artistic Understanding of War as a Border Situation”. Vestnik MDPU imeni I. P. Shamyakina. Filologiya, no. 23 (2), pp. 130-135. [In Russian]
9. Krasilnikov R. L. 2007. The image of death in a literary work: models and levels of analysis. Vologda: GUK IATSK. 140 pp. [In Russian]
10. Manukovsky V. 2012. “The ‘Limit Situation’ and ‘True Being’ in the existential concepts of K. Jaspers and L. Shestov”. Accessed 5 March 2020. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 18 (272). Filosofiya. Sociologiya. Kulturologiya, i. 25, pp. 127-129. <https://cyberleninka.ru/article/v/pogranichnaya-situatsiya-i-podlinnoe-bytie-v-ekzistentsialnyh-kontseptsiyah-k-yaspersa-i-l-shestova> [In Russian]

11. Melikhov A. M. 2012. "Daniil Granin. My lieutenant". *Znamya*, no. 6. Accessed 5 March 2020. <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/6/daniil-granin-moj-lejtenant.html> [In Russian]
12. Moiseeva V. G. 2015. "The words 'Great' and 'Simple' about the Great Patriotic War: to the question of the evolution of Russian "Military" prose of the second half of the twentieth century". *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, i. 9. *Philologiya*, no. 3, pp. 58-72. [In Russian]
13. Prokofieva V. Yu. 2004. "The category of space in artistic refraction: locus and topos". *Vestnik OGU*, no. 11, pp. 87-91. [In Russian]
14. Senyavskaya E. S. 1999. *Psychology of war in the 20th century: historical experience of Russia*. Moscow: ROSSPEN. 384 pp. [In Russian]
15. Tillich P. 2011. *The Courage to be*. Moscow: Modern. 240 pp. [In Russian]
16. Tyutyukin S. V. 2002. *Patriotic rise at the beginning of the war. World wars of the twentieth century. Book. 1: World War I. Hist. essay*, pp. 359-365. Moscow: Nauka. [In Russian]
17. Fromm E. 2014. *The Anatomy of Human Destructiveness*. Moscow: AST-LTD. 618 pp. [In Russian]
18. Schmid V. 2003. *Narratology*. Moscow: Languages of the Russian Culture. 312 pp. [In Russian]
19. Junger E. 2000. *Storm of Steel*. *Perevod s nemeckogo N. O. Guchinskaya, V. G. Notkina*. St. Petersburg: Vladimir Dal. 330 pp. [In Russian]
20. Yalom I. 1999. *Existential psychotherapy*. Moscow: Class. 576 pp. [In Russian]
21. Jaspers K. 2000. *Introduction to Philosophy*. Minsk: Propylaea. 192 pp. [In Russian]